

вечных идеалов равенства и братства, в трагический для народа момент от него «отвернулась»? Устряловы же поют осанну советской власти и, как могут, способствуют ее признанию, питая вредную, широко распространенную на Западе — от Ллойд-Джорджа и Уэльса и до L'Humanite¹⁶ — унижительную для русского народа легенду о том, что власть в России возможна либо царская, либо большевистская.

«Гредескуловщина» порождена нуждой, чувствительностью, недомыслием. «Устряловщина» — гораздо более низменного происхождения. Ее создала та же психология, которая заставляет тех же самых людей — при изменившихся даже не на 180 градусов внешних обстоятельствах — то тянуться к чужим физиономиям, то подобострастно припадать к их же «ручке».

Щедрин дал красочное описание этих людей.

[Рецензия на:]

«Смена вех». — Сборник статей: Ю. В. Ключникова, Н. В. Устрялова, С. С. Лукьянова, А. В. Бобрищева-Пушкина, С. С. Чахотина и Ю. Н. Потехина. — Прага. — 8 франков

Настоящий сборник несомненно имеет большой успех. Он вызывается не столько содержанием статей, сколько биографическими свойствами их авторов. Трое участников сборника вообще малоизвестны — с политической стороны до сего времени и совсем неизвестны. Трое других — Ключников, Устрялов, Бобрищев-Пушкин — были ближайшими участниками белого движения в Сибири и на Юге, у адмир. Колчака и ген. Деникина. И вдруг все шестеро переметнулись в большевистский стан... Это было бы их личным, мало кому интересным делом, если бы оно не сопровождалось поклонением этих лиц тому, что до того ими сжигалось, и сожжением того, чему раньше они клали низкие поклоны. А главное — если бы заинтересованные круги не придали этому очередному «перелету» значения крупного «события»: не то литературной сенсации, не то политического скандала. Подумайте только: сам Троцкий¹ удостоверил, что авторы — «не какие-нибудь продажные души, желающие получить серебрянники от советской власти»!.. А «Правда» рекомендует каждой губернии приобрести по экземпляру сборника для того, чтобы

воспользоваться «хотя бы элементами его идей для воспитания военных работников»...

Каждый из авторов берет под свою защиту ту или другую сферу большевистской теории и практики и отстаивает ее со своей точки зрения, обыкновенно мало согласованной с точкой зрения своего соседа по сборнику.

Один преклоняется перед «самым фактом длительного существования советской власти» (стр. 85). Другой возносит ей осанну потому, что «русского крестьянина и рабочего соблазнило не то, что он получит в собственность лишние пять десятин земли, и не то, что он сам себе выдаст патент на умеренность и аккуратность в законно-избранном Учредительном Собрании. Его соблазнила мысль пострадать за рабочих и крестьян, за униженных и оскорбленных всего мира. Чисто по-русски — «пострадать» (стр. 40). Третьего поразила глубина «творческих идей» большевизма (стр. 123) и т. д.

Один пророчествует: «третьей России не будет», «Кризис кончился. Положение определилось. Или признайте эту, ненавистную вам Россию, или оставайтесь без России»... «Третьей революции не будет» (стр. 90). А другой уверяет, что, в сущности, и второй революции-то не было: была всего одна, и иной не надо. «В 17-м году в России вовсе не было политической революции. То, что принято считать ею, — конец февраля и первые дни марта — было скоропостижной смертью монархии... Только в октябре народ сознательно (конечно, соответственно уровню сознания) воплотил свою волю. Брестский мир и Ленин в сущности являются единственными подлинными завоеваниями революции» (стр. 171). Это философия Потехина о «Физике и метафизике русской революции». Ему вторит Лукьянов, противопоставляющий февральскому *перевороту* октябрьскую *революцию*.

Ключников видит «весь смысл второй октябрьской революции» в том, что «управление страной перешло к самому народу», «он сам взялся управлять ею» (стр. 37). А его коллега Бобрищев-Пушкин видит весь смысл в установлении диктатуры активного меньшинства, в «опровержении теории народоправства»: «если стоять на принципе большинства, то никогда не будет проведена ни одна решительная реформа, потому что большинство всегда за старину, и без ломки обывателю всегда кажется удобнее» (стр. 122).

Было бы утомительным и неблагодарным трудом сопоставлять все противоречия, в которые впадают авторы сборника друг с другом и с самими с собою. Ограничиваясь указанными для примера, приходится перейти к анахронизмам, которыми страдают авторы: они сплошь да рядом служат «за здоровье» там, где апологируе-

мые ими большевики сами давно уже стали служить «за упокой». Большевистская власть уже свыше полгода как отметила безудержный рост собственнических инстинктов. Она переменяла даже свой «курс» под влиянием натиска антиколлективистической «мелкобуржуазной стихии». Но некоммунистическим октябристам — октябристам первого призыва: не 25 октября семнадцатого года, а 17 октября пятого — коммунисты не указ. Бобрищев-Пушкин больший ленинец, чем сам Ленин, и по нему — «переоценка «святого права собственности» — главная творческая идея, главная заслуга великой русской революции» (стр. 178). Иногда такие анахронизмы носят уже совсем курьезный характер. Так, не успел Потехин отметить: «Самый язык и стиль Чичеринских нот, столь непохожих на обычные дипломатические ноты, — разве не являются они по грубости и прямолинейности своей типично русскими?» (стр. 176), — как большевистское «Роста» оповестило, что Чичерин представил доклад об изменении дипломатических приемов советской власти в смысле их «приближения к формам, освященным опытом...».

Если отвлечься от отдельных частных и противоречий, то в качестве общего всем авторам можно как бы вынести за скобки нижеследующее. Отождествляя большевистскую власть с Россией и властью русского народа, участники сборника призывают пойти к ней «в Каноссу», покаявшись в своих грехах перед ней — *alias*²: русским народом и Россией. Троякий ряд соображений и настроений лежит в основании этого вывода: признание непреложности факта большевистской эволюции; своеобразно ощущаемое и понимаемое чувство оскорбленного патриотизма и, наконец, провидение того, что большевистская власть — лучше всего, что могло бы вместо или после нее быть. Параллельно этим рядам идет ряд рассуждений о том, что Ленин и «вся русская интеллигенция» — едино суть; что большевистская власть есть данная, а потому и подлинная ипостась извечного разума русской истории и потому все другие «ипостаси», бывшие или заявляющие претензии на бытие в будущем, являются уклонением от предначертанного России и русскому народу пути. Отсюда исходят все славословия и пророчества о судьбах русской интеллигенции и революции. Сюда же возвращаются все проклятия и изобличения «третьей революции» и «третьей России».

Казалось бы, что общего между революцией и Ключниковым? Между Бобрищевым-Пушкиным и социализмом? Что они революции и что революция им? Тем страннее слышать по адресу «полулевых социал-революционеров и меньшевиков» упреки в том, что «в осторожности политических деятелей первой половины 1917 года и была

их величайшая, непростительная ошибка, их преступление перед Революцией, а следовательно, перед Россией» (стр. 83). Это пишут те самые, со стороны которых в первой половине 1917 г. обвинения шли как раз в обратном направлении — в чрезмерном «углублении» революции. Сейчас Ключников наставительно доказывает, что «умеренные революционеры органически неспособны понять международный и мировой смысл русской революции и настойчиво поощряют международную реакцию» (стр. 44). Позволительно все-таки спросить: что «поощрял» тот же автор три года тому назад в Сибири, когда вкупе с другими низвергал «умеренных революционеров», входивших в состав т. н. Уфимской Директории и в качестве министра адм. Колчака изобличал мнимую их связь с его нынешними покровителями — большевиками?..

Надо иметь в виду политическую жизнедеятельность главного вдохновителя «Смены Вех», чтобы понять, почему весь «пафос» сборника сосредоточен именно там, где речь идет о «людях типа Авксентьева и Керенского».

«Повсюду в России, в Петрограде и в Москве, в Самаре, в Казани, в Уфе, в Западной Сибири, на Дальнем Востоке, а позже и за границей — в Праге, в Париже — повсюду и в течение всей революции они неизменно выступали с одними и теми же лозунгами, с одними и теми же политическими приемами... Честь им и хвала за постоянство и настойчивость. По давню пора бы им заметить, что *именно их лозунги и их тактика менее всего пригодны для революции.* (Курсив Ключникова)... Только они — подлинные выразители воли народной. Но стоило им появиться где-нибудь, как тотчас же их сметала либо «кучка гнусных насильников» в лице большевиков, либо «кучка гнусных реакционеров» в лице казаков, офицеров, генералов, помещиков и купцов... Непрактичные, недисциплинированные, хаотичные по натуре и по историческому воспитанию — такие, «каковы они есть», они призваны лишь поддерживать русский хаос и русское государственное разложение. Никакая черная сотня не страшна так для русского прогресса, как они, потому что сила черных сотен есть лишь отражение и отзвук их силы. Половины ужасов большевизма не было бы, если бы не их фанатические выступления, сеющие ужасы... Если есть сейчас различные типы русского большевизма, из которых одни более опасны, а другие менее опасны, то — безусловно — пресный эсеровский большевизм есть самый опасный из всех. С ним — а быть может, и только с ним одним — должна вести сейчас борьбу Россия, поскольку она хочет и должна остаться Россией» (стр. 25 и 26).

Если откинуть несколько несомненно бредовых идей, изложенных в этом отрывке, — можно сказать, сам автор не замечает тех комплиментов, которые расточает «людям типа Авксентьева и Керенского», принципиально противопоставляя их людям своего «типа», — вчера — белых реакционеров, сегодня — красных революционеров, а завтра, вероятно, — черных реставраторов. Можно с полным морально-политическим правом считать гражданской добродетелью не походить на ту *разновидность* русской интеллигенции, о которой С. Л. Франк³ в «Вехах» справедливо говорил, что ее «морализм есть лишь выражение и отражение ее нигилизма»⁴...

Авторы «Смены Вех» устанавливают свое идеологическое родство с авторами старых «Вех». Это в значительной степени верно. Не только Ключников и Устрялов называют Струве «таким глубоким и смелым в мысли» «носителем подлинной русской идеи», «чувствующим мистику государства и нации», «упоенным Богом, величием государственной идеи» и т. д., — но и сам П. Б. Струве публично признает значимость идеологии «Смены Вех».

Достаточно напомнить лестный отзыв Струве о «национал-большевике» Устрялове, которому он противопоставлял «старо-режимную» (так расшифровал Струве литеры «с.-р.») психологию тех «розовых», которые ни «красны», ни «белы» и неспособны вообще к революционной борьбе. Общность некоторых умонастроений идет и дальше. Одинаковой «революционной чесоткой», как назвал как-то сам Ленин заболевание революционной фразой, оказываются одержимы «птенцы гнезда Петрова» независимо от того, куда их заносит ветер: в большевистский или антибольшевистский стан... Сопоставьте, к примеру, вышеприведенную тираду Ключникова с призывом, например, Григ. Ландау⁵ о том, чтобы «устранить всех промежуточных, всех эволюционистов, всех постепенновцев и примиренцев, всех социалистических сторонников торговли, всех буржуазных поклонников социализма, всех либеральных любителей советов, всех советских воздыхателей по демократии» («Руль», № 273⁶), — и вы сразу установите общность политических корней и устремлений у того и у другого. У учеников, как и у учителя, независимо от того, по каким политическим лагерям они практически распределились, идеологический «пафос» сосредоточен не на борьбе с «белыми» или «красными», а на борьбе с теми, кого они называют «розовыми»...

Если, говоря об идеологических и политических истоках «Смены Вех», приходится говорить о «Вехах» и о Струве, то по моральной своей генеалогии «люди типа Ключникова» восходят гораздо к худшему и более низменному источнику. Невольно припоминается об-

раз Фаддея Булгарина...⁷ Присягая мартовской революции затем, чтобы ее впоследствии предать; присягая адм. Колчаку и «белому» движению, чтобы впоследствии перевернуться к тем, в ненависти к кому клялись раньше все тою же своей любовью к родине, — люди типа Ключникова «пятнают» свою близостью и дружбой всякого, с кем соприкасаются...

Вряд ли поэтому могут иметь практическое значение морально-политические призывы, исходящие из таких уст. Все знают печальный опыт, постигший левых эсеров, пошедших «на работу» с большевистской властью в первые же дни ее утверждения. Они пошли на это во имя российской и мировой революции и отошли от большевиков после Брестского мира. Оттого, что авторы «Смены Вех» считают Брестский мир «подлинным завоеванием революции», существо дела вряд ли меняется в пользу авторов «Смены Вех». И если о левых эсерах Ленин выразился, что они предпочли войти в историю жертвами, а не дураками, то о людях типа Ключникова нельзя будет сказать и этого: ибо люди этого типа и жертвенность — две вещи «несовместные».

Призывам «Смены Вех» не поверят ни те, кого они зовут, ни те, к кому они зовут. Последние до времени могут, конечно, использовать авторов сборника, как *клаку* в тех странах Запада, где для открытой деятельности российским большевикам ставятся полицейские препятствия. Авторы сборника до времени могут пытаться обмануть европейское общественное мнение, выдавая себя (напр., в «L'Ère Nouvelle» от 12.XI⁸) за «левых либералов», вступивших в «левый блок» с большевиками. Но поверит им — и в России, и на Западе — только тот, кто их не знает: кто не знал их в прошлом и не знает их веса и значения в настоящем.

Успех «Смены Вех» настолько окрылил надеждами их авторов, что они приступили к изданию еженедельного журнала под тем же названием под редакцией Ю. Ключникова. При этом упущен был психологически-элементарный «закон»: всякий скандал или сенсация не терпят повторения; затягиваясь во времени, они теряют силу притяжения... Один раз можно с интересом послушать, как «белый» изъясняется на языке «красных». Но какой смысл делать это вторично или многократно? Зачем нужна копия и имитатор, когда имеется оригинал? К чему «Смена Вех», когда есть «Новый Мир»⁹?

